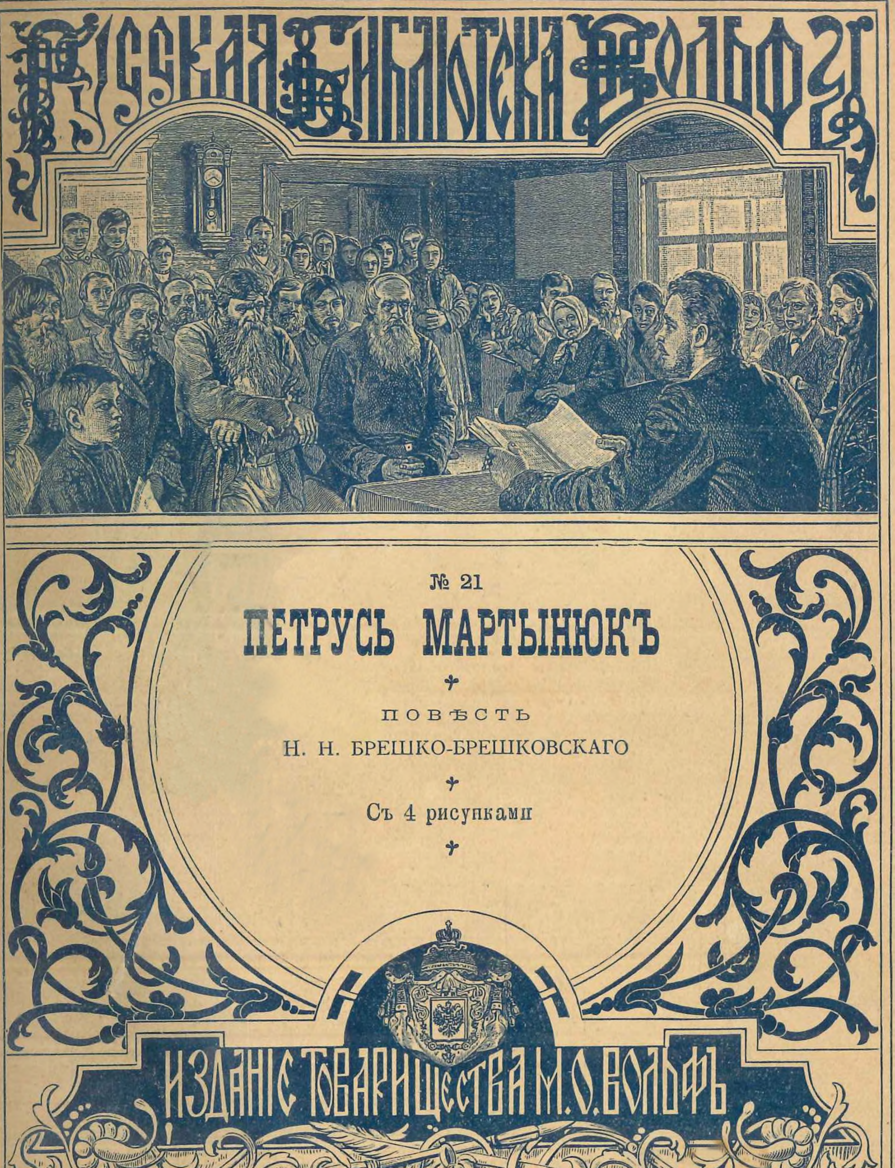

Русская библіотека Вольфа
№ 21
ПЕТРУСЬ МАРТЫНЮКЪ
ПОВѢСТЬ
Н. Н. БРЕШКО-БРЕШКОВСКАГО
Съ 4 рисунками
Изданіе Товарищества М. О. Вольфъ
Г. Генфтлингъ

ПЕТРУСЬ МАРТЫНЮКЪ

Засидѣлся Петрусь на берегу пруда...

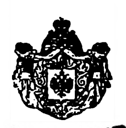
ПЕТРУСЬ МАРТЫНЮКЪ

ПОВѢСТЬ

Н. Н. БРЕШКО-БРЕШКОВСКАГО

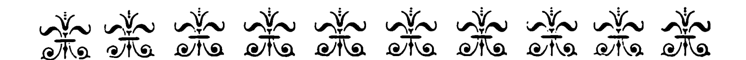
съ 4 рисунками

ИЗДАНІЕ
Поставщиковъ Его Императорскаго Величества
Товарищества М. О. Вольфъ
• С.-Петербургъ • • Москва •

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 17 іюля 1904 года.

Тип. Т-ва М. О. Вольфъ. С.-Петербургъ, В. О., 16 л., д. 5—7.

ГЛАВА I.

Ивенецъ — одинъ изъ тѣхъ городковъ юго-западнаго края, которые имѣютъ за плечами нѣсколько вѣковъ кровавой и цвѣтистой исторіи. Давно, очень давно они принадлежали богатѣйшимъ магнатамъ, выгорали до-тла, вырѣзывались „до ноги“ турками, татарами, запорожцами и десятками разъ переходили изъ рукъ въ руки, — а теперь мирно совершаютъ свою несложную, полную мелочныхъ интересовъ, дремотную жизнь.

Ивенецъ нельзя назвать живописнымъ. Но если къ нему подъѣзжать по шоссе, которое тянется вдоль большого, заросшаго

травами и камышомъ пруда, то зеленый островъ съ покинутымъ замкомъ князей Гонзало-Залѣсскихъ заполоняетъ все вниманіе, и вы забываете о ютящихся на дальнемъ берегу неказистыхъ домикахъ грязнаго городка. Много прелести въ этомъ величаво-одинокомъ замкѣ. Сѣрая громада его вырисовывается рѣзко на бирюзовомъ фонѣ яснаго неба. Колонны трескаются, штукатурка и барельефныя украшенія обваливаются, и тѣмъ краше, поэтичнѣе становится старый замокъ въ своемъ горделивомъ увяданіи. А гиганты-тополи, такіе же дряхлые, какъ и онъ самъ, окружаютъ его, будто охраняя отъ чуждаго теперешняго поколѣнія, которое такъ быстро и назойливо скучилось на томъ берегу.

О, много интереснаго могъ бы разсказать покинутый замокъ.

Сейчасъ же за городомъ, гдѣ струится рѣчка Стыръ и волнуются мѣловые холмы —побѣги могучихъ Карпатовъ,—темнѣютъ соломенныя крыши села Закутья. Закутье хотя и называется предмѣстьемъ Ивенца, но характеръ носитъ вполнѣ самостоятель-

ный. Оно имѣетъ свою церковь, деревянную, бѣлую, точно склеенную изъ картона и съ зеленымъ куполомъ. На краю села, поближе къ городу, посреди опоясаннаго частоколомъ огорода, стоитъ убогая, старенькая хатка. Она вся повалилась на бокъ, и маленькія оконца съ бугорчатыми, отливающими цвѣтами радуги стеклами, давно уже уклонились отъ вертикальной линіи, образуя съ землею болѣе или менѣе острые углы. У входной двери виситъ четырехугольный кусокъ жести, на которомъ плаваетъ грубо намалеванный топоръ и написано: „Антонъ Мартынюкъ". Это значитъ, что хозяинъ хаты, на случай вспыхнувшаго гдѣ-либо на селѣ пожара, долженъ оказать посильную помощь при содѣйствіи топора.

Мѣщанинъ Антонъ Мартынюкъ, по профессіи извозчикъ, въ теченіе многихъ лѣтъ каждое утро аккуратно выѣзжалъ въ городъ на парѣ высокихъ, поджарыхъ лошадей, запряженныхъ, смотря по времени года, то въ готовый ежеминутно разсыпаться фаэтонъ, то въ некрашенныя сани съ рѣзными доморощенными украшеніями.

Мартынюкъ имѣлъ жену Явдоху и восьмилѣтняго сына Петруся. Явдоха была по профессіи перекупка, т.-е. торговка. У нея былъ на базарѣ собственный столикъ, съ котораго она торговала огурцами, картошкой и кислицами. Не сладка, очевидно, была жизнь Явдохи, потому что, хоть ей шелъ только тридцатый годъ, она исхудала, осунулась и лицо забороздилось морщинами. Не велики были доходы Мартынюковъ. Много ли заработаетъ извозчикъ въ глухомъ городишкѣ безъ желѣзной дороги,—и Антонъ привозилъ домой гроши. Явдоха выручала и того меньше.

Мартынюку минуло сорокъ лѣтъ. Былъ онъ мужикъ высокій, плечистый, несокрушимаго здоровья и съ коричневой бычачьей шеей, на которую падали ровно остриженные въ кружокъ волосы. Многіе городскіе паны жалѣли, что такой богатырь обрекъ себя на вялую, чуждую всякихъ физическихъ усилій работу. Жерновами ему ворочать, да нивы вспахивать, чтобы плугъ на аршинъ, по крайней мѣрѣ, взрывалъ тучную землю, а онъ сидитъ себѣ по цѣлымъ днямъ на козлахъ, сосетъ

люлечку и знать ничего не хочетъ. Самъ Мартынюкъ нисколько не жалѣлъ, что не родился землепашцемъ. Онъ былъ лѣнивъ и доволенъ своею судьбою. Горилки Антонъ не избѣгалъ, но напивался рѣдко. Съ женой ладилъ, сына по-своему любилъ и за нѣсколько лѣтъ поколотилъ его всего раза три или четыре.

ГЛАВА II.

Странный мальчикъ былъ Петрусь. Во всякомъ случаѣ, мало походилъ онъ на своихъ сверстниковъ и товарищей по школѣ, куда родители стали посылать его съ шести лѣтъ. Батько цѣлый день на биржѣ *), мать на базарѣ, и предоставленный самому себѣ Петрусь росъ въ одиночествѣ. Благодаря этому, и безъ того мечтательный „хлопчикъ" вдумчивѣе относился къ окружающему, и сѣрые, глубоко сидящіе глаза его пытливо созерцали Божій свѣтъ. Грамота давалась ему не особенно

*) Мѣсто стоянки извозчиковъ.

легко, но восьми лѣтъ онъ читалъ уже почти свободно. Не особенно влекли къ себѣ Петруся книги. Онѣ казались ему скучными и не давали отвѣтовъ на вопросы, что зарождались и роились въ его головкѣ. Петрусь жилъ на-половину въ какомъ-то не здѣшнемъ, фантастическомъ мірѣ.

То хотѣлось ему посмотрѣть высоченныя горы, откуда-то изъ Австріяцкой земли посылающія къ Закутью свои холмистые отроги. То вдругъ у него загоралось желаніе идти берегомъ вдоль рѣчки и узнать, гдѣ она кончится. Учитель сказалъ ему, что Стыръ течетъ въ Днѣпръ, а Днѣпръ впадаетъ въ Черное море, по которому плаваютъ большіе корабли. Задумался Петрусь. Нацарапалъ на сѣромъ лоскуткѣ бумаги просьбу, чтобы за нимъ пріѣхали люди съ корабля, положилъ это письмо въ бутылочку, закупорилъ ее плотно пробкой и кинулъ въ рѣчку. Долго смотрѣлъ онъ, какъ медленно плыла по теченію бутылочка, пока не пропала изъ виду. Петрусь остался въ глубокой увѣренности, что люди съ корабля пріѣдутъ за нимъ и заберутъ его съ собой показать не-

вѣдомыя земли. Но не являлись люди, и мальчикъ позабылъ о нихъ думать, въ особенности когда познакомился съ дѣдомъ Максимомъ.

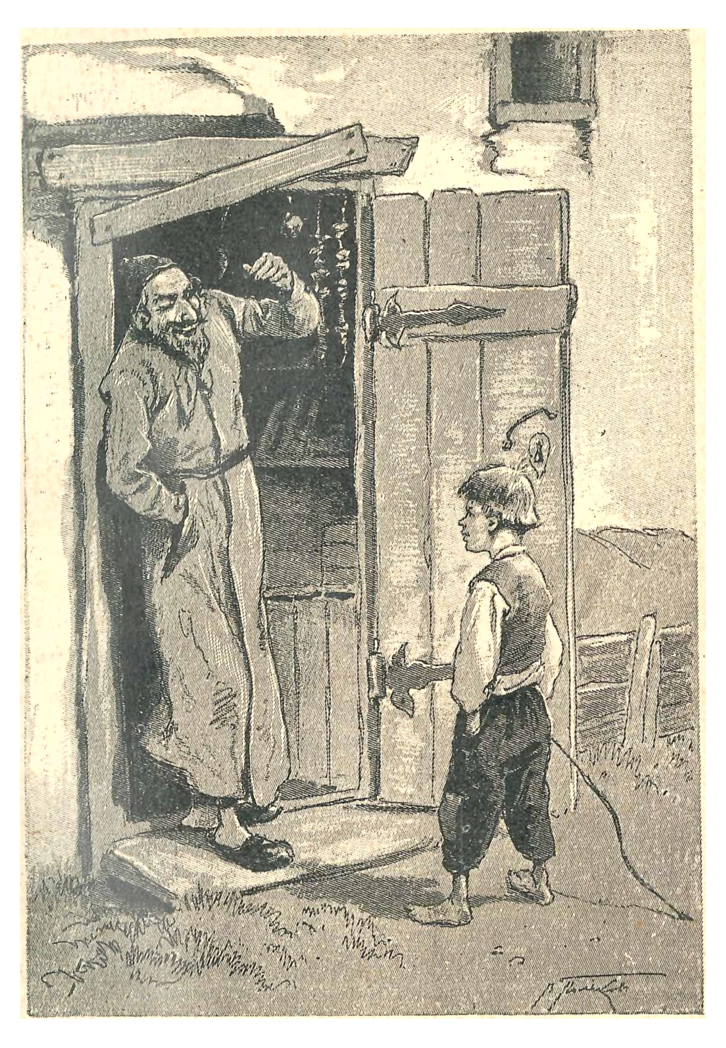
ГЛАВА III.

Петрусь вообще любилъ природу, но особенно по-сердцу ему были такіе моменты, когда причудливыя яркія краски сообщали картинѣ эффектный, праздничный колоритъ. Часто слѣдилъ онъ за далекой игрой постоянно мѣнявшихъ свои цвѣта и капризныя очертанія облаковъ. Наблюдалъ отраженіе неба въ водѣ, которое вечерами особенно богато всевозможными оттѣнками: и стальнымъ, и аспиднымъ, и золотистымъ, и фіолетовымъ, и вишневымъ, и пурпурно-краснымъ.

И всякій разъ внутри мальчика загоралось смутное, неясное желаніе изобразить все это, остановить и передать мѣняющіеся въ какомъ-то таинственномъ безостановочномъ шествіи колера мудрой природы. Съ каждымъ днемъ подобныя желанія крѣпли,

росли. Онъ уже не ограничивался одной природой. Ему хотѣлось рисовать все, что онъ только лишь видѣлъ: и хату сосѣда, и подсолнечникъ, который, наклонивъ чрезъ частоколъ на тонкой шеѣ свою голову въ нарядной зубчатой коронѣ, съ любопытствомъ осматривалъ улицу, и батьковскихъ коней, и самого батька съ его крѣпкимъ бронзовымъ затылкомъ.

Первые шаги Петруся были довольно удачны, но отозвались неблагопріятно на его спинѣ. Однажды, по всему Закутью быстро разнеслась вѣсть, что вернувшійся вечеромъ съ биржи домой Мартынюкъ наказалъ сына, зажавъ его голову между ногами и пребольно отхлеставъ паскомъ (ремешкомъ). Такъ и слѣдовало,—рѣшили добрые люди. Гдѣ-жъ подобное видно: Явдоха на-дняхъ выбѣлила хату чистенько, какъ игрушку, а Петрусь взялъ да чуть-ли не на всю стѣну намалевалъ углемъ коняку. Намалевалъ, правда, хорошо, бисовъ хлопецъ, сейчасъ видать, что это не корова, а коняка, и коняка ничья другая, какъ Антонова,—высокая, костлявая, съ вдавленной отъ драгунскаго сѣдла спиной.

— Не занесешь ли ты къ батюшкѣ сахару?...

Выплакался втихомолку Петрусь и еще болѣе замкнулся въ свой плѣнительный міръ грезъ, красокъ и образовъ. А страсть къ рисованію распалялась въ немъ все сильнѣе и сильнѣе. На Петра и Павла мать подарила ему ситцевую рубашку и мѣдный пятакъ. Ногъ не чуялъ подъ собою отъ радости мальчикъ, стремглавъ мчась въ лавочку торговца Мошко. Къ великому изумленію Явдохи, Петрусь вмѣсто пирныковъ и цукерковъ купилъ себѣ карандашъ и восемь листовъ писчей бумаги. Боже милостивый, чего только онъ ни понарисовывалъ на этихъ сѣрыхъ листахъ! Тамъ были и люди, и кони, и звѣрюки разные, и корабли, которые онъ старательно копировалъ изъ растрепаннаго, засаленнаго „Родного Слова“! Какъ-то не по-дѣтски хорошо выходило все у Петруся. Каждый угадывалъ, что онъ хотѣлъ нарисовать. Кошку можно было сразу отличить отъ собаки, собаку отъ лисицы и козу отъ коровы. Быстро вышли восемь листовъ, а достать бумаги еще было неоткуда. Петрусь зарисовалъ все свободное пространство между „картинками“, умудрился разукрасить головками стѣны

домиковъ, борты кораблей, туловище звѣрей,—и когда на бумагѣ не осталось, какъ говорится, живого мѣста, онъ бережно спряталъ листы подъ сѣнникъ своего топчана. Одна мысль овладѣла мальчикомъ: гдѣ и какъ достать бумаги? Получить отъ батьки или отъ матери хоть грошикъ—нечего было и думать. Въ день именинъ ему вручали пятакъ и этимъ ограничивались на цѣлый годъ.

Убогая, сколоченная изъ досокъ лавчонка Мошка, отъ которой далеко исходилъ селедочно-керосиновый запахъ, получила въ глазахъ Петруся какую-то особенную прелесть. Онъ часто подходилъ къ ея запачканнымъ дегтемъ дверямъ и жадно смотрѣлъ на полку, гдѣ, среди старыхъ жестянокъ съ леденцами, лежала столь дорогая для него и вмѣстѣ недосягаемая бумага. Пожилого Мошку съ козлиной бородкой, курчавыми, тонкими, какъ два штопора, пейсами, костистымъ носомъ и плисовой облѣзлой ермолкой—мальчикъ считалъ рѣдкимъ счастливцемъ. Ему, одному ему и никому больше, принадлежитъ это громадное количество

бумаги. Тамъ листовъ сотня, а не то, пожалуй, и всѣхъ двѣсти. Шутка-ли сказать!

Подошелъ какъ-то утромъ къ лавочкѣ Петрусь, а Мошко стоитъ на порогѣ и двумя пальцами крутитъ кончикъ сѣдѣющей бороды, словно шарикъ хлѣбный скатываетъ.

— Ну что, безштанько, батька, матки дома нема, такъ ты лодаря гоняешь,—привѣтствовалъ хлопца усмѣхнувшійся Мошко.

Петрусь невольно осмотрѣлъ себя: штаны на немъ были, хоть и драные, и латаные, и обтрепанные внизу, будто собаки оборвали, а все-таки были. Петрусь обидѣлся, хотѣлъ уже пустить Мошкѣ „пархатаго жида" и удрать, но лицо еврея улыбнулось добродушно, и онъ раздумалъ.

— Хлопецъ ты, видать, шустрый,—продолжалъ Мошко. — Не занесешь ли ты къ батюшкѣ сахару? Тамъ будутъ сегодня варенье варить; мои всѣ разошлись и послать некого; я тебѣ дамъ за проходку два гроша.

— Дайте мнѣ, Мошко, лучше два листа папиру (бумаги),—вырвалось у Петруся.

Мошко прищурилъ глазъ.

— Паперу? Нехай будетъ такъ; я тебѣ дамъ папиру. Я добрый...

Съ этого дня между Мошкомъ и Петрусемъ установились особыя отношенія: Мошко былъ повелитель, Петрусь—покорный исполнитель его приказаній. По утрамъ счастливый Петрусь аккуратно являлся въ сколоченный изъ старыхъ солдатскихъ мишеней дворецъ своего повелителя, съ облѣзлой ермолкой на макушкѣ вмѣсто короны. Мошко часто посылалъ его съ разными порученіями то въ городъ, то на село и платилъ за это бумагой, давая иногда два листа, иногда четыре, а иногда и пять—смотря по разстоянію. Если командировка совершалась въ погоду дурную, — сверхъ обычной бумажной порціи, Мошко, въ видѣ преміи, великодушно вручалъ Петрусю копѣечный карандашъ. Нелегко завоевалъ себѣ мальчикъ возможность рисовать, и много выбѣгали его бронзовыя, потрескавшіяся отъ загара, босыя ноги.

Но онъ былъ счастливъ.

ГЛАВА IV.

Цѣлыми вечерами пропадалъ Петрусь на островѣ. Старый замокъ привлекалъ его къ себѣ. Что-то заманчивое таилось для мальчика въ этомъ сѣромъ, медленно угасающемъ гранитномъ гигантѣ, и воображеніе пытливо работало, желая воскресить тѣхъ людей плѣнительнаго былого, что населяли теперь покинутый, а нѣкогда шумный и жизни полный замокъ. Только летучія мыши да совы, эти добровольные стражи всего заживо-погребеннаго, свили свои гнѣзда на его чердакахъ.

Засидѣлся разъ Петрусь на берегу пруда. Мягко, незамѣтно спустилась теплая ночь и окутала прозрачной дымкой островъ. Въ воздухѣ безшумно рѣяли крылатые обитатели чердака, и мнилось Петрусю, что это перевоплотившіяся души тѣхъ дурныхъ и порочныхъ людей, которые изъ поколѣнія въ поколѣніе являлись въ княжескомъ родѣ. Господь послалъ имъ наказаніе, обративъ ихъ въ нечистыхъ полугадовъ. И боязно ему

стало, и въ то же время какая-то непонятная сила приковывала къ мѣсту...

Петрусь особенно любилъ время заката, и когда солнце замѣтно склонялось къ горизонту, онъ спѣшилъ на островъ, соединявшійся съ берегомъ узкимъ и длиннымъ пѣшеходнымъ мостикомъ. Уляжется мальчикъ на траву межъ прибрежныхъ кустовъ серебристой лозы и, подперевъ кулачонками голову, весь уйдетъ въ созерцаніе лѣтняго вечера... Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ и познакомился онъ съ дѣдомъ Максимомъ.

Уцѣлѣвшія окна замка розовѣли подъ трепетными косыми лучами солнца, готоваго скоро исчезнуть гдѣ-то далеко за прудомъ. Оранжевый дискъ его, точно свитой, окруженный граціозными перламутровыми тучками, рѣзко обрисовывался на блѣднѣющемъ небѣ. Городокъ тонулъ въ прозрачномъ, золотистомъ туманѣ. Тѣни отъ тополей, еще недавно походившія на стройныя фигуры закутанныхъ съ головы до ногъ женщинъ, теперь стали безформенными, удлинились и казались безконечными. Стройные тополи были залиты волнами ласкающаго желтаго

свѣта и верхушки ихъ млѣли розоватымъ божественнымъ огнемъ. Петрусь смотрѣлъ на верхушки, думая, какъ мало общаго между небеснымъ огнемъ солнца и тѣмъ, что разводятъ въ печи. Трудно, должно быть, передать его на бумагѣ. Онъ перебралъ въ умѣ всѣ видѣнныя лубочныя картинки и не могъ припомнить чего-либо мало-мальски похожаго. Петрусь вздохнулъ. О, умѣй онъ нарисовать все это, какой безпредѣльный восторгъ охватилъ-бы тогда его. Только нѣтъ, не бывать этому никогда: непостижимо, немыслимо запечатлѣть такую дивную красу. А можетъ и есть на свѣтѣ люди, которымъ подъ силу сдѣлать подобное...

Изъ раздумья мальчика вывелъ шорохъ въ сосѣднихъ кустахъ. Онъ вздохнулъ, оглянулся. Надалеко за листвой серебристаго ивняка обозначилась фигура сѣдобородаго дѣда. Онъ только проснулся и, полулежа, протиралъ глаза... На немъ была рыжая барашковая шапка, плѣшивая отъ времени, и старенькій, запачканный кожухъ, какъ разъ подъ стать Петрусинымъ штанамъ. Дѣдъ зѣвнулъ, обнаживъ вылинявшія беззубыя

десны, и тусклые, маленькіе глазки его, почти безъ зрачковъ, встрѣтились съ узкими, сѣрыми глазами Петруся.

— Что ты тутъ дѣлаешь, хлопче?—прошамкалъ старикъ.

— Такъ себѣ сижу, дидусю; вечеръ славный. А вы?

— Вотъ тоже спросилъ! Развѣ ты не знаешь? Замокъ стерегу,— дѣдъ кивнулъ сивыми бровями на замокъ.

Петрусь не выдержалъ и захохоталъ. Очень забавнымъ показалось ему, что старенькій, вотъ-вотъ готовый разсыпаться дѣдка стережетъ громадный каменный замокъ, въ которомъ, кромѣ совъ да мышей, и днемъ съ огнемъ ничего не сыщешь.

— Чего зареготалъ! Дурни только дарма смѣются,—недовольно отрѣзалъ дидъ и хотѣлъ насупиться, но вмѣсто этого изрѣзанное сѣтью глубокихъ морщинъ лицо его расползлось въ улыбку.

Они разговорились. Старый да малый— извѣстное дѣло—быстро сходятся. Держалъ рѣчь Максимъ, а Петрусь жадно слушалъ. Говорилъ дѣдъ медленно, тихо, обстоя-

Недалеко за листвой серебристаго ивняка обозначилась фигура сѣдобородаго дѣда...

тельно — только на Украйнѣ говорятъ такъ старые люди. Словно очарованный, внималъ мальчикъ шамкающей рѣчи. Чего только не поразсказалъ ему дѣдъ. Много видѣлъ и слышалъ онъ на своемъ долгомъ столѣтнемъ вѣку. Отецъ его, который умеръ назадъ годовъ восемьдесятъ, былъ запорожцемъ, участвовалъ въ знаменитой Уманьской рѣзнѣ и былъ правой рукой знаменитаго Желѣзняка. Можно себѣ представить, сколько интереснаго услышалъ Петрусь про то бурное и смутное для Украйны время. Разсказалъ Максимъ про тѣ пышные пиры да банкеты, что задавались въ замкѣ князьями. Давно это дѣялось. Тогда дѣдъ былъ такимъ-же мальчикомъ, какъ Петрусь. Роща Грабникъ, что сейчасъ за тюрьмою, была насажена въ одну ночь, дабы сдѣлать пріятный сюрпризъ одному изъ князей Гонзало-Залѣсскихъ. Сотни людей изъ окрестныхъ селъ были согнаны для выполненія этой трудной затѣи.

Уже солнце скрылось, уже окутала землю тьма поздняго вечера, а словоохотливый старикъ все говорилъ, говорилъ, и казалось,

конца не будетъ его рѣчи. Максимъ переживалъ при этомъ прошлое, и отблескъ минувшей молодости озарялъ его потухшіе, выцвѣтшіе глаза. Много лѣтъ служилъ дѣдъ княжескому дому и вотъ теперь, когда онъ безсиленъ, дряхлъ и одинокъ, паны, спасибо имъ, платятъ ему три рубля въ мѣсяцъ пенсіи. Въ маленькой комнатѣ нижняго этажа замка и коротаетъ онъ уже недолгій свой вѣкъ.

Такъ началось знакомство Петруся съ дѣдомъ и часто они проводили время въ бесѣдахъ. Новый міръ заполонилъ воображеніе мальчика. Это былъ цвѣтистый міръ чубатыхъ запорожцевъ, чернобровыхъ дивчатъ, какихъ ужь нѣтъ теперь, статныхъ пановъ въ нарядныхъ красныхъ кунтушахъ и очаровательныхъ паненокъ съ королевской поступью и повадками. И на сѣрой бумагѣ изъ Мошкиной лавочки стали часто появляться чубатыя головы съ длинными висячими усами, то обнаженныя, то въ высокихъ шапкахъ. То ѣхалъ всадникъ, браво подбоченясь и высоко торчала надъ головой его длинная пика; то пытался Петрусь нарисо-

вать пляшущаго казака и никакъ ему это не удавалось.

Любовь къ прошлому Украйны, къ Запорожью, казачеству, зароненная дѣдомъ Максимомъ, такъ и осталась на всю жизнь у мальчика.

ГЛАВА V.

Дни бѣжали незамѣтно, и прошелъ годъ.

Ужь на что легкомысленный человѣкъ былъ Мартынюкъ, а и онъ сталъ подумывать о дальнѣйшей судьбѣ сына.

— Надо намъ его куда-нибудь отдать,— совѣтовался Антонъ съ Явдохой,—довольно ему баклуши бить и дарма околачиваться безъ всякаго дѣла.

Подумали, погадали отецъ съ матерью, вспомнили любовь Петруся „марать бумагу“ и рѣшили его отдать къ маляру, — пускай учится.

Услышалъ объ этомъ Петрусь и не было предѣловъ его безумной радости. Каждый разъ, когда онъ бывалъ въ городѣ и прохо-

дилъ мимо дома „живописца“ Животова, имъ овладѣвалъ священный трепетъ. Какъ бы ни спѣшилъ Петрусь, онъ не могъ не остановиться и не поглядѣть въ окна. Еще бы, сколько заманчивыхъ вещей смотрѣло на него оттуда! Такіе же хлопцы, какъ и онъ, и хлопцы постарше, и совсѣмъ взрослые люди въ длинныхъ, вымазанныхъ краской блузахъ работали и суетились съ кистями въ рукахъ около вывѣсокъ, иконъ и образовъ. Одинъ малюетъ святого угодника, другой—франта въ пестрыхъ штанахъ — вывѣска портного; третій — прилизанную голову съ пышной огненной бородою, что будетъ красоваться на дверяхъ новой цырульни. И близокъ былъ этотъ желанный міръ Петрусю и далекъ въ то-же время. Иногда онъ представлялъ себя тоже въ испачканной блузѣ и съ кистью въ рукѣ возлѣ какой-нибудь жестяной вывѣски, но мечта эта казалась ему настолько несбыточной, что онъ переставалъ объ ней думать. А, между тѣмъ, какъ было-бы хорошо! охъ, какъ хорошо! Онъ научился-бы малевать и отъ прилизанныхъ головъ съ огненными бородами пере-

шелъ-бы съ Божіей помощью къ запорожцамъ въ красныхъ жупанахъ, что мчатся привольною степью на своихъ выносливыхъ коняхъ.

И когда на другой-же день послѣ совѣщанія съ женою, Мартынюкъ надѣлъ новый армякъ и, храня на своемъ красномъ лицѣ торжественное выраженіе, повелъ сына за руку къ „живописцу“ Животову, Петрусь почувствовалъ, какъ внутри его все замерло, замлѣло. Предчувствіе какой-то торжественной, неповторяющейся минуты охватило его существо. Точно преддверіе храма, переступилъ онъ порогъ мастерской. Нахлынула такая масса впечатлѣній, что глаза его заволоклись туманомъ, и онъ ничего не могъ разсмотрѣть. Какими-то неясными, расплывчатыми пятнами казались фигуры блузниковъ. И лики угодниковъ, и рыжебородыя головы, и франты въ пестрыхъ штанахъ,—все слилось въ какой-то безформенный хаосъ. И сквозь этотъ туманъ на пришельцевъ смотрѣло совсѣмъ близко такое-же кирпично-красное лицо, какъ и у Мартынюка, только болѣе сытое, упитанное. Узкіе, оловянные глаза съ масляной поволокой, да рѣденькая бородка клинушкомъ

сообщали лицу плутоватое выраженіе. Это и былъ хозяинъ мастерской, Спиридонъ Титычъ Животовъ, въ погонѣ за деньгами и за счастіемъ переселившійся въ юго-западный край изъ сѣверно-великорусской губерніи. Живописецъ былъ одѣтъ щеголемъ—видимо, онъ одѣвался у одного изъ тѣхъ портныхъ, для которыхъ у него писались такія заманчивыя вывѣски. Несмотря на лѣтнюю жару, на немъ была суконная визитка, тяжелый галстукъ и твердый, синеватый воротничокъ туго охватывали коричневую шею. Въ мастерской было душно, пахло красками, и Животовъ вытиралъ платкомъ потное лицо.

— Чѣмъ могу быть полезнымъ?—сильно напирая на о, спросилъ онъ Мартынюка.

Антонъ бывалъ рѣчистъ только въ своей компаніи за чаркой водки, когда разсказывалъ про чертей да вѣдьмъ, а теперь подъ надменнымъ, пытливымъ взглядомъ Животова—смѣшался.

Мартынюкъ поскребъ своей громадной лапой затылокъ и началъ:

— Та я, бачите, пришелъ до васъ за диломъ, чи не возьмете вы хлопца до науки?

— Парнишку-то этого?—Спиридонъ Титычъ смѣрилъ Петруся взглядомъ съ головы до ногъ.—А что я буду съ нимъ дѣлать?

— А до науки. Нехай малюетъ, какъ и всѣ.

Мартынюкъ заискивающе хихикнулъ.

Животовъ пощипывалъ короткими пальцами бородку и соображалъ.

Петрусь стоялъ ни живъ, ни мертвъ. Онъ смотрѣлъ на человѣка въ суконной визиткѣ, отъ котораго зависѣло его счастье, и сѣрые глаза его дышали безмолвной мольбою. Вдругъ не возьметъ?! Тогда прощай всѣ мечты, прощай эта милая и дорогая ему комната!

А Спиридонъ Титычъ не торопясь молвилъ:

— Что-жъ, пущай остается; лишній ученикъ—бѣда не большая. Только подойдутъ-ли тебѣ, любезный, мои условія?

— Подойдутъ, для чего не подойти; якъ люди, такъ и мы,—поспѣшилъ согласиться Мартынюкъ.

— Ну, коли такъ, ладно. Пойдемъ ко мнѣ въ горницу, потолкуемъ; малецъ пущай здѣсь побудетъ.

Петрусь остался посреди мастерской, а Животовъ ушелъ съ Антономъ въ сосѣднюю комнату.

ГЛАВА VI.

Условія, на которыхъ Петрусь поступилъ въ мастерскую Животова, были не особенно соблазнительны. Срокъ ученія длился семь лѣтъ. Жалованья не полагалось. Мальчикъ долженъ жить у Спиридона Титыча и повиноваться ему безпрекословно. Харчи хозяйскія. Благодаря заключенному контракту, родители не имѣютъ права взять Петруся домой ранѣе семилѣтняго срока. Животовъ закрѣпостилъ новаго ученика, и тотъ цѣлыми недѣлями не видѣлъ отцовской хаты. Для Петруся потянулись долгіе тусклые дни тяжелаго собачьяго житья впроголодь, безъ природы, безъ свѣта. Черствый, безсердечный кулакъ, Спиридонъ Титычъ выжималъ изъ своихъ служащихъ всѣ соки. Въ горячее время заказовъ заставлялъ ихъ работать по четырнадцати часовъ въ сутки и отвра-

тительно кормилъ какимъ-то бурдообразнымъ борщемъ.

Объ отдѣльномъ для нихъ помѣщеніи и рѣчи не было. Всѣ спали вповалку въ мастерской съ ея нездоровымъ, тяжелымъ воздухомъ на разстилаемыхъ ночью тощихъ сѣнникахъ. Неудивительно, что всѣ ученики выглядѣли блѣдными, хмурыми, истощенными. Не миновалъ этой участи и Петрусь. Онъ быстро похудѣлъ, и спустя два - три мѣсяца его трудно было отличить отъ остальныхъ заморышей. Онъ исполнялъ самыя черныя работы: мылъ полы, носилъ воду, растиралъ камнемъ на чугунной плитѣ краски, няньчилъ ребенка Спиридона Титыча. Но не унывалъ Петрусь и не падалъ духомъ. Гдѣ-то далеко горѣлъ огонекъ надежды и вливалъ въ него бодрость и силу. Онъ вѣрилъ, что пройдетъ время тяжелыхъ испытаній, и ему въ руки дадутъ кисть. Но годы шли, а Петрусь все оставался на линіи попыхача-ученика. Впрочемъ, иногда ему поручались самыя простыя работы, въ родѣ раскрашиванія буквъ, подмалевки ѳона. Это не могло удовлетворить его. Тянуло къ лицамъ, ѳи-

гурамъ, ко всему дышащему, живому. Нерѣдко, когда въ мастерской бывало пусто, онъ долго простаивалъ съ тоскою предъ образомъ какого-нибудь угодника, сдѣланнымъ либо Животовымъ, либо старшимъ мастеромъ. И кидалось въ глаза Петрусю то, чего другой не замѣчалъ. Онъ видѣлъ, напримѣръ, что руки Николая Чудотворца уродливо длинны; если ихъ опустить вдоль бедра, онѣ достигнутъ колѣнъ. Попадались несоразмѣрно большія головы. И эти грубыя погрѣшности въ рисункѣ всегда раздражали мальчика. Мягкая душа его негодовала, зачѣмъ люди такъ безобразно пишутъ, не справляясь съ жизненной правдой. И порою имъ овладѣвало сильное желаніе уничтожить нелѣпо написанный образъ или взять кисть да сдѣлать, какъ слѣдуетъ.

Прошло четыре года, Петрусь превратился уже въ юношу, а Животовъ не позаботился даже узнать—имѣются-ли у него какія-нибудь способности къ живописи. Но случай заставилъ Спиридона Титыча обратить на Петруся нѣсколько большее вниманіе, чѣмъ онъ ему удѣлялъ. Не часто вы-

падали минуты досуга, но и тогда не забывалъ Петрусь карандаша и бумаги.

Съ годами рисунокъ Петруся становился смѣлѣе, грамотнѣе, и несложную картинку, пейзажъ ему удавалось набросать очень быстро. Однажды, въ жаркій праздничный день, когда Спиридонъ Титычъ ушелъ съ женою въ церковь, а ученики и рабочіе, пользуясь свободой, разбрелись, и когда оставленный наблюдать Петрусь рисовалъ изъ окна домъ дворянской опеки, съ двумя тополями, у воротъ, мимо проходилъ реалистъ шестого класса, Комодскій, сынъ богатаго виноторговца. Полный, краснощекій юноша вырвалъ изъ рукъ ошеломленнаго Петруся бумагу, бросилъ ему: „Ты самородокъ, талантъ!“ и бѣгомъ побѣжалъ домой показать своимъ близкимъ произведеніе самородка.

На другой-же день онъ явился въ мастерскую съ отцомъ. Комодскій былъ выгоднымъ постояннымъ заказчикомъ, и Спиридонъ Титычъ встрѣтилъ виноторговца со льстивой угодливостью. Желая помеценатствовать, Комодскй далъ Петрусю рубль, а Животову показалъ его рисунокъ и замѣ-

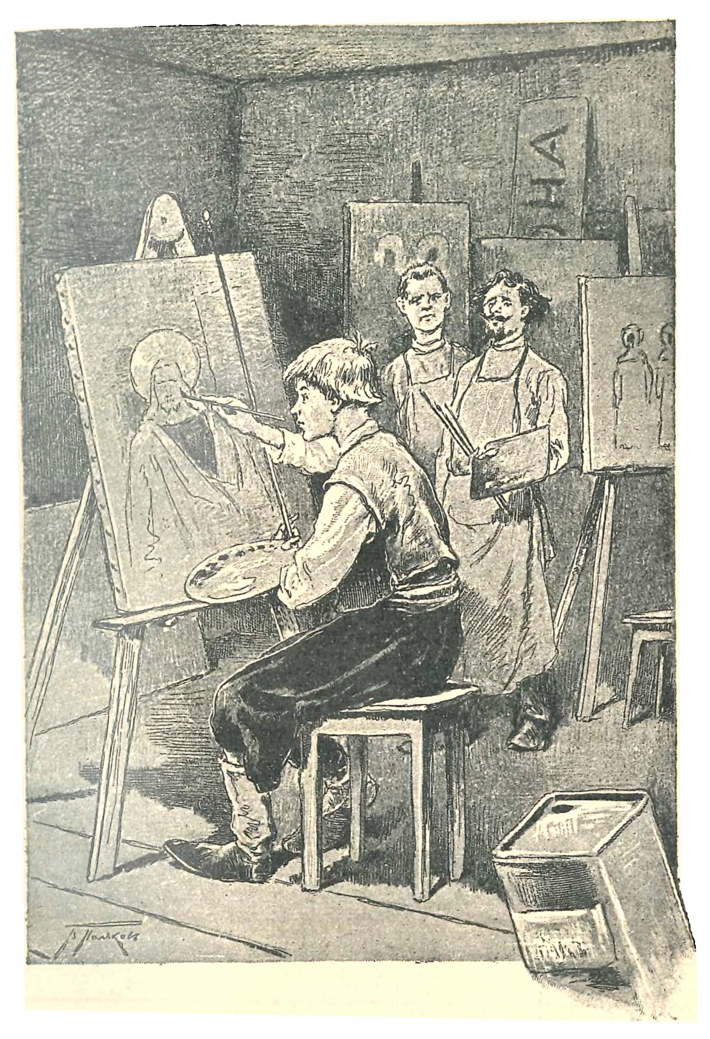
тилъ, что грѣшно такого талантливаго мальчика держать въ черномъ тѣлѣ.

— Учите его, давайте ему дорогу. Я буду съ интересомъ слѣдить за дальнѣйшимъ развитіемъ этого самородка,—сказалъ, уходя, Комодскій.

„А и впрямь, изъ него можетъ выйти толкъ,“ — подумалъ Спиридонъ Титычъ и началъ учить Петруся живописи.

Первое время Петрусь ногъ отъ восторга подъ собой не чуялъ. Наконецъ-то стали сбываться его мечты!

Черезъ годъ онъ обогналъ своего учителя, и Спиридонъ Титычъ съ завистью смотрѣлъ на образа Петруся, которые не имѣли ничего общаго съ его сухой и безжизненной мазней. Искра Божія таланта свѣтилась во всѣхъ работахъ юноши. Даже въ прилизанныя головы парикмахерскихъ вывѣсокъ онъ вливалъ какую-то одухотворяющую жизнь.

Спиридонъ Титычъ съ завистью смотрѣлъ...

ГЛАВА VII.

Благодаря Петрусю, о мастерской Животова стали поговаривать. Заказы увеличились. Лукавый Спиридонъ Титычъ только руки потиралъ. Невзирая на свою скаредность, онъ даже жалованье Петрусю назначилъ, цѣлыхъ четыре рубля въ мѣсяцъ. Но не радовало это нисколько даровитаго мальчика. Онъ давно уже задыхался въ атмосферѣ условнаго писанія безжизненныхъ иконъ и вывѣсокъ. Убійственный шаблонъ угнеталъ его несказанно. Фантазія росла, ширилась, открывалась. Ему мерещились образы, цѣлыя картины, хотѣлось запечатлѣть ихъ кистью, а тутъ извольте писать однѣ и тѣ-же головы, застывшія въ одномъ положеніи фигуры. Творческій духъ Петруся рвался изъ этихъ узкихъ рамокъ; иногда ему хотѣлось написать икону по-своему, какъ она рисовалась его воображенію, онъ набрасывалъ эскизъ карандашомъ и представлялъ его на утвержденіе Спиридону Титычу. И видя талантливый набросокъ, Животовъ закипалъ бѣ-

шенствомъ, рвалъ эскизъ на мелкіе кусочки, топалъ ногами и съ пѣной у рта приказывалъ ученику писать не мудрствуя, по разъ заведенному закону, измѣнять которому онъ вовсе не намѣренъ ради какихъ-то безсмысленныхъ фантазій „зазнавшагося щенка“. Со слезами на глазахъ и со скрежетомъ зубовнымъ брался Петрусь за кисть, чтобы размалевывать опротивѣвшія ему до умопомраченія вывѣски. Мастерская казалась ему адомъ и дышать въ ней мало-мальски свободно становилось Петрусю все труднѣе и труднѣе. Струны чуткой, жаждущей настоящаго искусства души его, натянулись до послѣдней степени. Онъ чувствовалъ, что такъ долго не выдержитъ. И струны лопнули. Петрусь ушелъ отъ Животова, ушелъ домой и объявилъ, что не вернется назадъ ни за что въ свѣтѣ. А до конца контракта оставался еще почти цѣлый годъ. Спиридонъ Титычъ хотѣлъ силой вернуть къ себѣ полезнаго ученика, но Петруся уже многіе знали въ городѣ, и, побоявшись скандала, Животовъ махнулъ на него рукой.

Не по сердцу пришлось и Мартынюку и

Явдохѣ возвращеніе сына. Они и рады были ему, но за послѣднее время дѣла ихъ пошли такъ плохо, что лишній ротъ являлся далеко не желаннымъ.

Петрусь видѣлъ это и самъ рѣшилъ недолго оставаться подъ кровомъ родной хаты. Свои мечты, свои планы созрѣли у него въ головѣ. И на тридцать шесть рублей — результатъ каторжной работы у Животова — онъ надѣялся осуществить ихъ.

Недѣлю спустя послѣ бѣгства отъ Спиридона Титыча, Петруся повстрѣчалъ реалистъ Комодскій и, несмотря на его сопротивленіе, почти силою потащилъ къ учителю рисованія. Человѣкъ гуманный и добрый, учитель рисованія отнесся къ Петрусю крайне внимательно. Онъ далъ ему бумагу и просилъ что-нибудь нарисовать. Въ двадцать минутъ Петрусь набросалъ эскизъ головки реалиста и привелъ учителя въ восторгъ.

— Работать нужно надъ собой, необходимо работать. Понимаешь-ли ты, что у тебя талантъ, настоящій талантъ, — горячо говорилъ длинноволосый учитель, и глаза его возбужденно блестѣли изъ-за темныхъ очковъ.

Нѣсколько разъ посѣтилъ Петрусь учителя и послѣ долгихъ бесѣдъ и совѣщаній у него созрѣло твердое желаніе ѣхать въ Кіевскую рисовальную школу. Свои тридцать шесть рублей мальчикъ считалъ громаднымъ капиталомъ и надѣялся на него, какъ на каменную гору.

Занятія въ школѣ начинались въ концѣ сентября, и невыносимо долгимъ казалось Петрусю лѣто. Онъ не терялъ времени даромъ и съ какой-то лихорадочной энергіей занимался подъ руководствомъ учителя, чтобы не пріѣхать въ школу неучемъ. Онъ словно хотѣлъ наверстать даромъ потерянные въ мастерской Животова годы.

Насталъ и сентябрь.

Когда отецъ съ матерью увидѣли, что сынъ покидаетъ ихъ, уѣзжая далеко и надолго, въ нихъ разомъ проснулась такая къ нему нѣжность, которой они сами не подозрѣвали въ себѣ. Это тронуло Петруся до глубины души. И онъ, и Явдоха пролили немало слезъ. Мартынюкъ крѣпился, хотя ему тоже хотѣлось плакать. Любовно, заботливо, какъ никогда, укладывала мать въ

дорогу сыну небольшой зеленый сундучокъ.

Отецъ запрягъ лошадей, облачился въ армякъ, надѣваемый только по торжественнымъ днямъ, и отвезъ сына съ Явдохою на заѣзжій дворъ, гдѣ останавливались балагулы (мѣстныя повозки для переѣздовъ).

Былъ сѣренькій, осенній денекъ. Длинная съ парусиновой будой балагула уже готовилась покинуть дворъ, и четверка худыхъ клячъ уныло переступала съ ноги на ногу. Еврей въ дырявомъ балахонѣ сидѣлъ на козлахъ и, причмокивая, разбиралъ веревочныя вожжи. Балагула была биткомъ-набита всевозможнымъ людомъ и для Петруся осталось только одно мѣсто сзади, гдѣ болталось жестяное, заржавленное ведро. Еще разъ простился съ родителями мальчикъ, еще разъ всплакнулъ, и, дребезжа, тарахтя, вотъ-вотъ готовая разсыпаться, балагула покинула дворъ.

Сухой осенній вѣтеръ быстро осушилъ слезы Петруся. Съ надеждой и съ вѣрой смотрѣлъ онъ просвѣтлѣвшими глазами въ ясную даль осенняго дня.

ГЛАВА VIII.

Петрусь ѣхалъ балагулой почти сутки, потомъ пересѣлъ на пароходъ, который и привезъ его въ Кіевъ. Былъ солнечный день, и Кіевъ ошеломилъ Петруся, подавилъ его своимъ блескомъ, великолѣпіемъ, красотой. Какое-то благоговѣйное чувство и вмѣстѣ непонятный страхъ закрались къ нему въ душу.

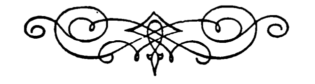
Извозчикъ доставилъ Петруся въ грязный постоялый дворъ на окраинѣ Подола. Мало-по-малу Петрусь свыкся съ Кіевомъ и чувство страха къ этому бывшему невѣдомому городу покинуло его. Онъ разыскалъ рисовальную школу, явился туда, подалъ прошеніе и вручилъ кому слѣдуетъ письма. Въ тотъ-же день онъ получилъ отвѣтъ,— его приняли. Три дня бродилъ Петрусь по Кіеву словно пьяный, до того ошеломляло его все на каждомъ шагу. Онъ побывалъ и въ Лаврѣ, и въ Царскомъ саду, и въ церквахъ, и что-то обаятельное, величественное чудилось ему во всемъ. Онъ горячо полюбилъ Кіевъ и эта любовь осталась въ немъ на всю жизнь.

Петрусь сталъ посѣщать школу. Поселился онъ у демеевской мѣщанки и платилъ ей за крохотную комнатку со столомъ шесть рублей въ мѣсяцъ. Несмотря на экономное расходованіе, деньги быстро таяли, и къ началу ноября у него не оставалось ни копѣйки. Настали черные дни. Мѣщанка согнала Петруся съ квартиры, и онъ цѣлыми днями голодалъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Но въ самыя тяжкія минуты Петрусь не забывалъ школы и, слабый отъ истощенія, работалъ тамъ съ какимъ-то необыкновенно рьянымъ упорствомъ. Ничто не могло поколебать его завѣтнаго желанія сдѣлаться художникомъ. Въ погонѣ за кускомъ хлѣба, Петрусь поступилъ въ компанію маляровъ. Днемъ онъ расписывалъ съ ними потолки и стѣны домовъ, красилъ двери, окна, а вечеромъ являлся въ школу.

Время шло. Петрусь дѣлалъ большіе успѣхи, и начальство совѣтовало ему по окончаніи школы ѣхать въ академію. Петрусь самъ давно таилъ въ себѣ эту мечту и для осуществленія ея умудрялся откладывать коечто изъ своего скуднаго заработка маляра.

Онъ жилъ впроголодь, отказывалъ себѣ въ самомъ необходимомъ и безропотно, съ какой-то свѣтлой вѣрой стремился туда, куда его манилъ неугасаемый огонекъ любви къ искусству.

Прошло шесть лѣтъ. Петрусь изъ мальчика превратился въ молодого человѣка, задумчиваго, длинноволосаго и съ морщинистымъ лбомъ. Онъ блестяще окончилъ училище и на скопленные сто рублей уѣхалъ въ Петербургъ. Трудно жить въ холодномъ сѣверномъ городѣ. Въ Петербургѣ, быть-можетъ, предстоятъ Петрусю болѣе тяжкія испытанія, нежели тѣ, что выпали на его долю за время кіевской жизни. Но закаленный въ борьбѣ и одушевляемый заполнившей все его существо благородной идеей, онъ побѣдно выйдетъ изъ этой борьбы.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 іюля 1904 г.

Типографія Т-ва М. О. Вольфъ. Спб., В. О., 16 л., д. № 5—7.